

Второе лицо. Людмила Евгеньевна Улицкая ulitskaya.ludmila.ru
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://ulitskaya.ludmila.ru/> приятного чтения!

Второе лицо. Людмила Евгеньевна Улицкая

Пирожковая тарелочка, верхняя в стопе, соскользнула и, чмокнув о спинку стула, мягко упала на ковер двумя почти равными половинками. Машура огорченно охнула. Евгений Николаевич, стоявший в дверях столовой, хмыкнул не без злорадства. Сервиз был гарднеровский, в псевдокитайском стиле, подписной, но Евгений Николаевич давно уже не жалел своего имущества, а разбитая тарелочка даже утверждала правоту его давней мысли: наследники его были в высшей степени никчемными. Даже Машура, внучка его покойной жены Эммы Григорьевны, самая симпатичная из всех, выросшая на его глазах из толстоморденышкового младенца в красивую девицу, была.bestолкова. Прямых наследников, собственно говоря, не было – все второго, третьего порядка, седьмая вода на киселе. И все – ждали...

Стол-сороконожку Евгений Николаевич раздвинул сам, закрепил медные крючки. Женщины – и Машура, и домработница Екатерина Алексеевна, и Леночка, приехавшая из Петербурга полуродственница, часто навещавшая его после смерти Эммы, со столом справиться не умели. Эмма, из всех женщин его жизни, единственная была и с головой, и с руками. Она и стол могла раздвинуть без мужской помощи, и хрустать мыла так, как ни одна кухарка не умела... А про прием гостей, организацию любого дела – и говорить нечего. Равной ей не было...

Машура накрыла холеную столешницу простеганной фланелью, потом пленкой, а поверх положила парадную скатерть – все, как делала ее покойная бабушка. Только посуда у Эммы никогда не билась. Машура нервничала. Евгений Николаевич знал почему. Нитка жемчуга была тому причиной. Бабушкин жемчуг на Ленкиной высокой шее...

Евгений Николаевич вздохнул – жена умерла пять лет тому назад, жестоко нарушив его жизненные планы. Ей и шестидесяти еще не было, выглядела великолепно. Элизабет Тейлор, на треть уменьшенная. Евгений Николаевич крупных женщин не любил. Сам был не особо рослым и ценил соразмерность. На что ему дылда? Прекраснейшая женщина была Эмма Григорьевна, ни в чем мужа не обманула, кроме одного: ушла раньше его. А ведь на шестнадцать лет была моложе.

Семидесятилетие свое он справлял в "Праге". Заказала Эмма банкетный зал на пятьдесят человек. Он этого и не касался, ей все можно было доверить. Стол, сервировка – отменные, без малейшего промаха. Справа от него сидела она, жена, в вечернем платье цвета "перванш" с гладкой, под орех крашеной головкой, а справа Галя, секретарша, в красном, золотоволосая. Две королевы, ничего не скажешь. И обеих он пощипывал вподстольи, под жесткой скатертью, то за ягодицу, то за ляжку, и обе сидели довольные, важные. И выдрал он их обеих в тот же вечер – заранее запланировал и меры некоторые принял. Галочку – в буфетной, при содействии знакомого официанта Алексея Васильевича, на ключик их запершего на десять минут. А Эммочку дома, по-супружески...

Восьмидесятилетие же было обставлено по-домашнему, стол накрыт на шестнадцать персон – пара нужных людей и родственники. Третьего порядка, усмехался про себя Евгений Николаевич. Он любил раз в год собирать этих племянниц, племянников, внучатных всяких. Эммочкиной родни десяток набиралось. Овощи и фрукты. Один был даже сухофрукт, вернее сказать, орешек – Женя-Арахис, подруга покойной жены, учительница музыки с растопыренными пальцами. Хитрая как муха. После Эммочкиной смерти он подарил ей кольцо с большим желтым бриллиантом с тремя угольками и трещиной, даже не помнил, как оно в дом попало. В память о подруге. И подарок этот сбил ее с толку: прежде она мечтала выдать замуж свою престарелую дочь, а теперь забрала себе в голову пристроиться на Эммочкино место. Пятый год ходит в гости с арахисовым тортиком и прозрачными намеками. А Евгений Николаевич, смеху ради, делает вид, что вот-вот догадается и предложение ей сделает... Старая дура трепетала, кокетничала, делала многозначительные паузы, а он, провожая ее, подавал ей в прихожей Эммочкино пальто, которое она все донашивала, а перед самой дверью слегка прижимал к себе ее узкую, покосившуюся в басовую сторону клавиатуры спину. Так что уходила она каждый раз обнадеженная. Она тоже была в числе приглашенных. Вынужденно. Потому что зови – не зови, все равно притащится.

Аппетит к жизни у Евгения Николаевича, всегда преотличнейший, с годами не выветривался, только вкус поменялся. Его теперь тянуло на миниатюру. Даже в пище. Теперь вместо обыкновенной яичницы, которую, невзирая на холестериную

Второе лицо. Людмила Евгеньевна Улицкая ulitskaya@ludmila.ru панику, по-прежнему съедал за завтраком, жарил себе два перепелиных яйца и пристрастился к еде, ранее неведомой – ко всякому младенческому овощу, к моркови, горошку, фасоли, но все "бэби", самое что ни на есть "бэби". Даже капусту ел игрушечную – брюссельскую. Врачи предостерегали от молодого мяса, советовали зрелое, а он выбирал телятину, ягненка, поросенка молочного. Это была его собственная теория, по крайней мере, та часть теории, которой он охотно делился с окружающими – на старости лет полезно все юное, растущее. Тот патриарх, что согревал свое старое тело о молодую плоть, – не дурак же он был.

От маленьких радостей надо получать большое удовольствие – учил он своих племянников, и чувствовал он себя прекрасно. Даже сердечная болезнь, найденная у него вскоре после войны, мало его беспокоила. Теперь сердечные болезни были у всех кругом, сердца оперировали, меняли сосуды, вставляли стимуляторы, и он полагал, что все это у него в запасе: дед прожил до ста лет, и отец тоже был отменного здоровья, но погиб от пули... В отличие от пожилых людей, вечно сетующих на ухудшение времен, он острейшим образом ощущал именно улучшение времени, с особой чуткостью гедониста улавливал общее умножение всяческих удовольствий и радостей, которые мог себе позволить человек на исходе двадцатого века – таких удобств, комфорта и роскоши, о которых прежде нельзя было и помыслить. И услуг самых фантастических...

Вот, например, друг его Иван – по паспорту Абдурахман – Мурадович – не то парс, не то перс, похож на индуса, родом откуда-то из Средней Азии. Хирургическая его специализация была самая интимная, по мужской части, и слава его в медицинских кругах большая, но приглушенная – никто из его пациентов не трубил особенно о лечении. Евгений Николаевич, как человек дерзкий, испробовал на себе все методики: лет двадцать тому назад сделал ему Иван Мурадович некоторую полезную машинку. Уникальную. Она очень способствовала. Потом, следуя времени, сделал небольшую операцию – опять угодил. И, конечно, препараты. Была одна такая инъекция: вколот один кубик мутной жидкости – и два часа скачешь как тридцатилетний. Словом, все новые технологии опробовал на себе Евгений Николаевич. Последнее, недавнее вмешательство было совсем радикальное, только-только разработанное. Операция нешуточная, в два приема делали. Тонкая механика. На прошлой неделе у него была инструкторша, из лаборатории Ивана Мурадовича, и все сработало замечательно. Но теперь – другое дело: пригласив питерскую Леночку, он собирался сегодня же применить впервые новинку сексуальной науки без инструкторши, на живом материале.

Лицом Ленка была не ахти, но шея – как у хорошей лошади, длинная, с изгибом, за то и жемчуг получила. Но вся фигура отменная, гитара семиструнная: задница как самовар, выпуклая, талия осиная, груди же основательные, в разные стороны торчат двумя кульками... Сам же Евгений Николаевич был в молодые годы красавец – с актером Кадочниковым одно лицо. Теперь-то не помнит никто, а раньше девки на улице за ним бегали, автографов просили. Он давал: "Кадочников" писал большими твердыми буквами на чем попало. И приключения даже случались на этой почве...

В числе приглашенных не родственников был еще Валера, Валерий Михайлович, молодой друг хозяина дома. Молодость его друзей исчислялась в шкале воспитанной, Валерию Михайловичу было за сорок. Был он отчасти друг, отчасти воспитанник, а отчасти и пожизненный должник. За длинную жизнь Евгения Николаевича накопилось у него много и должников, и недоброжелателей, и врагов, и завистников. Профессия у него была такая прокурор. Смолodu он был человеком свиты, но мелким, в самом хвосте. Как окончил свое юридическое образование в конце сорок первого года, так и направили его в соответствующие органы. Работал в Министерстве, но недолго, перевели в СМЕРШ, опять на должность незначительную, скорее писчую. Первый сильный карьерный шаг произошел, когда его привлекли к участию в Нюрнбергском процессе как самого малого чиновника, и тогда открылась перед ним великая перспектива, почти уму не внятная, ошеломляющая. Другой бы попался на этом. Но не Евгений Николаевич. Он крепко задумался – и остановился. Не то что его личный опыт, а как будто каждая клетка мозга и крови вопила – остановись! И он отступил на шаг, пропустил впереди себя одного умницу, потому что вроде как обнаружилась сердечная болезнь кстати. И стал он вторым лицом. Как мудро это было! Все первые лица, все до единого, сгорели синим пламенем, кто на чем, по большей части и ни на чем, а он, со своей второй ролью, отсиделся, и пронесло.

– Все чудом, чудом все, – рассказывал Евгений Николаевич другу Валере об увлекательнейших событиях его молодости. – Не раз, не два, и не сосчитаю,

Второе лицо. Людмила Евгеньевна Улицкая ulitskaya@ludmila.ru
сколько – проснусь среди ночи, и вдруг как огнем озарит: или в больницу залечь, или сделать опережающее движение, или даже демобилизоваться. И такое было...

В юриспруденции Валерий ничего не понимал, зато в антикварном деле имел чутье необыкновенное. Помог ему Евгений Николаевич, молодому дураку, из одного дела выпутаться. Валерий со своей стороны немало консультировал старшего товарища в тонких и интересных предприятиях, которые и составляли главный интерес жизни бывшего прокурора. Это собирательство, случайно начавшееся у Евгения Николаевича в давние военные, а особенно в послевоенные времена, сделалось с годами настоящей профессией, прокурорская же работа превратилась в почтенную завесу, но не вполне декоративную: чем далее, тем более вкладывал прокурор неконвертируемых советских денег в конвертируемые ценности.

Место Евгения Николаевича было во главе стола, а за остальными пятнадцатью кувертами, в павловских полукреслах и на гостинном диване со скалочками сидели, своими неразумными задницами не ощущая художества безукоризненной мебели, безмозглые претенденты на его имущество – видимое и невидимое, то есть то, которое укрыто было в двух тайных стенных сейфах, движимое, которое они начнут делить еще до похорон, и недвижимое, то есть эту самую квартиру и дачу не ахти какую, но на гектарном генеральском участке в двадцати километрах от Москвы, на берегу реки... Наследники, ни в чем ни уха ни рыла... Ненавидел же он их всех! Но не так просто, не каждого в отдельности – Машуру так даже и любил, и внучатного племянничка, Сашу Козлова, по прозвищу Серенький Козлик, жалел, всю жизнь ему помогал, образование дал. Но ведь убогий человек, ни в чем понятия не имеет. Ветеринар! Собачьим приютом заведует! Всю жизнь по соседям и по знакомым кости собирает! Раз в неделю приезжает к Евгению Николаевичу за мясными объедками – Екатерина Алексеевна в пакет собирает. Вот и теперь сидит за столом и, наверное, прикидывает, сколько объедков своим собачкам унесет... Покойной сестры две пожилые дочери, одна в розовом, другая в голубом – дуры комолье, одна в хозмаге всю жизнь проработала, по три рубля крапа, вторая, смешно сказать, воспитательницей в детском саду тридцать лет работает... И своих четверых девок наплодила, одна другой уродливей, но похожие, различить нельзя... Наследницы!

Но своих детей не было... Пораньше бы свела его жизнь с Иваном Мурадовичем, сделал бы он ему плевую операцию в молодые еще годы, и рожали бы от него бабы...

А из всех чужих детей любил он одну – Люську, Эммочкину дочь. Но она, стерва, с характером, уехала в Израиль – скандально, против семьи пошла. Евгению Николаевичу тогда работу пришлось менять из-за этого шального отъезда. Впрочем, к лучшему повернулось... А часики анкерные, английской работы, мастера Грэхам, Люська все же взяла, вывезла, квартиру купила в Тель-Авиве, а сколько еще от тех часов осталось – этого Евгений Николаевич не знал. По аукционам последнего времени цена тем Грэхамовским часикам от трехсот тысяч начинается... Тогда же Евгений Николаевич понял, что есть большое достоинство в миниатюрных предметах – с точки зрения вывоза. Если с его коллекцией толково распорядиться – не один миллион потянет... А Люська ухаживать за матерью не приехала, как Эммочка ее звала. На похороны зато приехала – наследство получать! Наследница! Вот уж кто ничего не получит, так это Люська... Сколько раз потом пыталась подмыслиться, и сама, и через Машуру. Нет так нет. Машка, девочка маленькая, за бабушкой ухаживала, она больше заслужила... Но тоже – вспомнить противно – лучшее Эммино кольцо через две недели в метро потеряла, вместе с перчаткой...

Грызла его мысль о завещании. Очень грызла. И так прикидывал, и эдак. Одно время завещания писал – то на Машуру, то, обозлившись на нее, на Валеру, то на всех делил, то одному кому-нибудь все отписывал. Да и законы-то – что не так, в казну пойдет. И этот вариант Евгений Николаевич тоже рассматривал: висит, скажем, неплохой Поленов или любимый сине-розовый Кустодиев, а под ним надпись: "Дар Русскому музею от Е. Н. Кирикова". Нет, не греет...

Так и получается, что помирать ему невозможно из-за нерешенности этого вопроса, следовательно, главное дело – здоровье поддерживать, куда решение не явится. Да, собственно, торопиться было некуда. Жаловаться – не на что. Если какие неполадки возникали в механизме, он, как хороший хозяин, тут же устранял. Урология и все, что около лежит, – Иван Мурадович обслуживает наилучшим образом. В позапрошлом году прооперировал косточку на ноге. До того – зубы металлокерамические, самые лучшие поставил. Даже слишком хорошие, могли бы чуток пожелтее, понатуральнее быть. Массажист Саша ходит три раза в неделю, уже лет двадцать. Наверное, уже две машины на его деньги купил... Не жалко. Ничего не

Второе лицо. Людмила Евгеньевна Улицкая ulitskaya@ludmila.ru жалко. Эммочкина наука – она его научила денег на себя не жалеть. Тратить. До нее он только одно знал котлы. Часы-часики, тикалки наручные, каминные, каретные, кабинетные... Эммочка глаза открыла, всему научила... Глаз! Вкус! Чутье! Все, что в доме есть, – посуда, серебро, мебель, картины – высшей пробы. А наследников толковых – нету, хотя народу – полный стол! И всем хочется. Даже Екатерина Алексеевна, служащая, и та претендует на строчку в завещании... Но она хоть в чем-то разбирается: холодные закуски всегда прекрасно стряпает, и пироги дрожжевые ей удаются, но горячее – хоть тресни! – всегда пересушивает... Впрочем, гурманов среди них нет, народ непривередливый, мало кто и заметит, если поросенок будет суховат – ишь, как по буфету ударяют. Только Иван Мурадович, восточный человек, понимает, что на тарелке лежит. Ест он аристократически-отстраненно, с выражением лица благосклонно безразличным, и рука его того же оттенка, что слоновая кость черенка рыбной серебряной вилки... Впрочем, он и одними голыми пальцами, без вилки и ножа, тоже ел таким образом, что в голову приходила мысль об игре на музыкальном инструменте или о тех интимных операциях, которыми он двадцать лет занимался... Лицо у Ивана Мурадовича было лишено выражения, и уж во всяком случае никакого отношения к пище – восторженного, оценивающего или жадного – на нем не написано. Угощение, собственно говоря, было для мусульманина либо бесспорно несъедобным – вроде студня и поросенка, либо подозрительно, например, пирожки с мясом и салат неизвестно с чем. И ел Иван Мурадович очень с большим выбором и умеренно – белую рыбу, свежие огурцы, баклажаны, зелень... Думал же он вовсе не о еде. а о старшем сыне Абдулле, заканчивающем в Лондоне коммерческую школу, о том, что собирался лететь к нему в эту субботу, но в пятницу предстояла операция над увядшим членом одного богатого человека. И, пожалуй, улететь ему не удастся... Он презирал своих пациентов, теряющих мужскую силу к пятидесяти. Дед его женился последний раз в семьдесят восемь, и молодая родила ему еще трех детей, и последний был его отцом. И ни о каком медицинском подспорье и не думали эти азиатские старики, сухие, белобородые, с нестареющими своими кинжалами... Размышлял Иван Мурадович о преимуществе мусульманского мира, о могучей витальной силе, давно иссякшей у европейцев... А вот женщины русские были привлекательны, очень привлекательны... Поглядывал на Машуру, с ее ангельски кошачьим личиком, на еще одну, в розовом, увядшую, длиннолицую, но чем-то привлекательную... И он медленно орудовал рыбным ножом...

Машура, Эммочкиного воспитания, тоже умела есть, а муж ее Антон вахлак. Рубает, как матрос. Если Машка с ним разведется, я ее сюда пропишу. Иначе – нет. По теперешним законам, муж имеет право на ее собственность, если она получена в то время, когда они состояли в браке. А может, Ленку питерскую пропишу. Скажу – как родственницу, если разведешься. Нет, это как раз будет глупость. Она-то с радостью разведется. Еще и притащится сюда со своей дочкой. Скушная материя... Собственно говоря, завещание-то давно уже было написано. Только оно перестало Евгения Николаевича удовлетворять. И зачем он голову ломает, в каких долях этим придуркам добро разделить? Машура вон за полчаса разгрохала тарелку и два бокала, причем один совсем хороший, старого русского стекла... Ну зачем ей посуда?

Гости кушали и славили хозяина – за ум, талант, умение жить, желали многих лет жизни, а хозяин ругал себя, что устроил это скучное празднование вместо того, чтобы взять путевку в Карловы Вары и отметить свое восьмидесятилетие там, в компании какой-нибудь молодой бабешки, или Ленку питерскую с собой взять, или еще одну, Ирину Ивановну, агентшу из турбюро, она ему намекнула, что поехала бы с ним... Да мало ли...

Разошлись в первом часу. Екатерина Алексеевна была отпущена после подачи горячего, Машура сносила чайную посуду на кухню, а Евгений Николаевич из кабинета ожидал стеклянного звона, но, видно, она на сегодня программу свою уже выполнила. Ленка мыла посуду, опоясавшись длинным полотенцем.

Евгений Николаевич испытывал некоторое нетерпение – хотелось испробовать новинку. И радовался своему нетерпению, как свидетельству не совсем еще умершей эмоциональной жизни.

Машура наконец ушла, поцеловав деда на пороге. Он подмигнул ей. Обычно она пихала его мелким кулачком в живот – такая игра сохранилась между ними с детства. Но на этот раз Машура не ответила. Обиделась, дура, что я жемчуга Ленке подарил. А может, докумекала чего?

Второе лицо. Людмила Евгеньевна Улицкая ulitskaya@ludmila.ru
"Да все равно хорошая девочка, – решил Евгений Николаевич и поцеловал в стриженный мужским ежиком затылок. – Подарю ей на Новый год жука с изумрудом". И тут же передумал: лучше денег подарю, долларов триста. На что ей жук от Фаберже? Потеряет.

Ленка тоже была хорошая девочка, но в другом роде. Привычки Евгения Николаевича давно ей были известны, и вела она себя скромненько, делала вид, что только для того и приехала, чтобы помочь двоюродному дядюшке посуду после гостей помыть. Ей было тридцать четыре года, и началась эта история двенадцать лет тому назад, при жизни Эммы Григорьевны. Как-то раз она остановилась у них на правах дальней родственницы, приехавшей в Москву на экскурсию, и тогда случайно произошло неожиданное сближение. Эмма Григорьевна отлучилась тогда на Новый Арбат к косметичке. И дядя зашел к ней в гостевую комнату, и она даже не сразу и поняла, чего он хочет, и когда собралась зарыдать от молниеносной неожиданности и неправдоподобной ловкости, с которой овладел ею пожилой родственник, он сказал ей строго, как начальник:

– А ну перестань! Быстро скажи, чего ты хочешь? Шубу хочешь? Ну, чего хочешь, говори!

И она согласилась на шубу. Дядюшка был щедр, подарил ей на свадьбу тысячу рублей, когда дочка родилась, опять же денег прислал. Всякий раз, когда Лена приезжала в Москву, покупал ей такие подарки, что она в собственных глазах вырастала. Два кольца у нее было – всем подругам говорила, что наследственные. Мужу, Сережке, сказала – от бабушки наследство. Одно, правда, продать пришлось, когда муж чуть в тюрьму не сел. Откупились теми деньгами. На этот раз была у Лены особая миссия: она собиралась у Евгения Николаевича денег на квартиру просить. У нее квартира была хоть и двухкомнатная, но всего двадцать четыре метра, не повернешься. Хотела просить в долг, но планировала – без отдачи. Десять тысяч долларов собиралась просить на доплату – соседи продавали трехкомнатную. Это надо было воздуху набрать, чтобы такое выговорить. Но Сережка очень напирал попроси у дядьки, он тебе не откажет. Был Сережа молодой, на четыре года жены моложе, и не подозревал он восьмидесятилетнего старика, которого, кстати, в глаза не видел, в сексуальной прыти.

А Лена не успела и рук вытереть, как Евгений Николаевич обхватил ее самоварную задницу. Они не часто виделись, давние любовники. От силы два раза в год. И играли все в одну и ту же игру – как будто происходит с Ленкой случайность, нечто – ах! первый раз! И она, юная, потрясенная, шарахается, не очень упорно защищая свою девичью честь. Она давно знала о технических ухищрениях дядюшки и относилась к этому с уважением – так-то, по-простому, любой дурак может. Если быть честной, ей нравился Евгений Николаевич – запах его дорогих одеколонов, чистота, красота и богатство его дома, и подарки его нравились. И как он обставлял всякий раз как будто случайную любовь. С мужем Сережей все было куда как менее интересно. А в этот раз Евгений Николаевич был вообще – прима, и Ленка догадалась что подшили ему какую-то штуковину, которая была, по всему виду, безотказная.

Евгений Николаевич оценил новинку не так однозначно, как партнерша, сам процесс шел отлично, но завершающая фаза смазанная – вроде как электрический утюг выключили, он и остывает. За долгие годы общения со специалистами, да и по складу характера, он не искал ничего таинственного в этом обыкновенном и приятном деле, заботился о качественных показателях, но собирался назавтра доложить Ивану Мурадовичу о своих ощущениях и наблюдениях. В общем, оргазму не хватало остроты.

Уезжала Ленка дневным поездом, он ее слегка 마리новал с подарком. Конвертик он ей приготовил, но не отдавал... Позавтракали, сыграли партию в шахматы – это было странное ее достоинство, очень прилично для дамы играла в шахматы. Она слегка нервничала, пора уже было рот раскрыть и денег попросить, но все не могла себя перемочь. Евгений Николаевич выиграл малоинтересную партию, сложил фигуры в ячейки, белой кожей подбитые, и велел Ленке принести ему из кабинета деревянную шкатулочку, которая стоит на письменном столе. Лена принесла. Он велел раскрыть. Там лежал конверт. Он велел раскрыть – потому что ему хотелось получить еще немного удовольствия, видя, как вспыхивает она едва ли не до слез, стесняется, прикладывает руки к щекам, ахает и целует его в чисто выбритый жидковатый подбородок. Она все это и проделала, как он ожидал. Это был отличный спектакль, на двоих, отменно сыгранный и обоим участникам доставляющий неизменное

Второе лицо. Людмила Евгеньевна Улицкая ulitskaya@ludmila.ru
удовольствие при минимуме неожиданности.

Но на этот раз ждала Евгения Николаевича неожиданность: Леночка пересчитала деньги – тысяча долларов там была, ни много ни мало, – положила их в конверт, помолчала, опустив густоволосую, со старомодным, как любил Евгений Николаевич, пучком голову, и, глядя в стол, тихо и деловито попросила Евгения Николаевича одолжить ей еще десять тысяч на расширение площади квартиры...

Евгений Николаевич глазом не моргнул, потукал чистыми пальцами по шахматному ящичку и сказал деловито:

- Этот вопрос мы сейчас решать не будем. Отложим на время...

Лене очень хотелось спросить, на какое время, но она всей душой понимала, что вопрос этот будет неправильным, и промолчала.

Перед дорогой попили чаю, Лена съела пирожное из вчерашних оставшихся, Евгений Николаевич пирожного не стал. Потом к условленному времени приехал шофер Костя и отвез Леночку на Ленинградский вокзал.

Евгений Николаевич позвонил Ивану Мурадовичу, отчитался о вчерашнем мероприятии. Тот назначил ему на вторник – чтобы пришел в лабораторию кое-какие анализы сдать. Потом Костя вернулся и отвез его к одному коллекционеру, Илье Израилевичу, – тот был, как и Евгений Николаевич, не маньяк какой-то одной идеи, а тоже собирал из разных областей: и гравюры у него были, и книги, и карты. Отдельным предметом собирательства были старинные приборы – всяческие астролябии, подзорные трубы и телескопы. Не брезговал он и музыкальными шкатулками, и теперь к нему попала преотличная, судя по описанию, музыкальная шкатулка восемнадцатого века, с часами, а на часах имеется вроде бы знак немецкого часовщика Петера Кицинга. И Илья Израилевич просил приятеля взглянуть на эту марку, точно ли Кицинг. А Евгению Николаевичу это тоже было небезинтересно – по старой и первейшей своей привычке... И он отложил неприятные размышления о завещании на другой день, решивши в этот вечер насладиться профессиональным общением, а может, и кой-какой negociацией. Илья Израилевич славился по Москве способностью всех перепить, а также необыкновенной азартностью: если ему чего приглянется, он всех конкурентов ценой перешибал, иногда и весьма несуразно. А у Евгения Николаевича было одно русское бумажное издание, весьма редкое, как раз того рода, который Илья Израилевич особенно ценил. До позднего вечера просидел Евгений Николаевич у приятеля. Начал с дружеского подношения – маленькую книжечку Лисицкого, дореволюционную, из первых, тираж 200 экземпляров. Илья Израилевич даже забеспокоился несколько – подарок был превышающий незначительный повод встречи... Выпивали. Илья Израилевич показывал свои диковинки. Евгений Николаевич долго рассматривал шкатулку. Она не очень ему показалась. Громоздкая, грубоватая. Механика, правда, безукоризненная, и часовая, и собственно музыкальная часть. Подтвердил ее происхождение. Этот Илья Израилевич начинал от мастеровых, был механик отменный и собственноручно всю эту механику отладил, на ход поставил. Евгений Николаевич, может, более всего это и ценил – сам он имел глаз, понимание, а вот руками никогда ни к чему не прикасался, кроме авторучки. Ко всему прочему дом был еврейский, шумный, время от времени в комнату к Илье Израилевичу врывалась какая-нибудь растрепанная девица, одна из его многочисленных дочерей и племянниц, или младенец. Он всем давал – кому денег, кому телефонный номер из записной книжки, мальчонке лет шести вынул из ящика стола большой красно-синий карандаш советских времен... Евгений Николаевич оглядывал стеллажи, шкафы и завалы книг на всех стульях, расставленные на столах приборы и инструменты и размышлял о том, какая же судьба ожидает коллекцию Ильи Израилевича... Лохматые девки эти передерутся, все пойдет по рукам: и футуристы, и коллекция двадцатых годов. А ведь как хорошо, когда все можно передать в хорошие руки, и в одни.

В ту ночь Евгений Николаевич плохо спал, и сон снился какой-то дрянной – с покойной женой ссорился из-за каких-то билетов. Только не удалось вспомнить, то ли он хотел ехать, а она возражала, то ли наоборот, она требовала немедленно уезжать, а он никуда не хотел. А потом набежала стая разнокалиберных собак, великое множество, и все, включая Эмму, исчезло. Он проснулся, потом снова заснул, встал позже обыкновенного, долго лежал в постели, вяло обдумывал события двух минувших дней. Ленке решил денег на квартиру не давать. Машку – не прописывать. А всех прочих своих наследников поочередно пригласить на собеседование, посмотреть, кто чем дышит.

Главная же забота Евгения Николаевича была коллекция, потому что наличных денег было у него немного, он дома больше трех тысяч не держал, настоящих же денег стоила коллекция, причем самая ценная часть ее была еще в шестидесятом году замурована в сейфе, в стене спальни, и сделано все было так, что ничем не простучишь. И три ремонта с тех пор прошли по стенам, никаких следов... Открыть мог только тот, кому Евгений Николаевич сам покажет. Ключи от сейфа он давно уже передал Валерию Михайловичу, но не показал, где сейф. Никому не показал. А надо бы...

Но это – в последнюю очередь. Для начала Евгений Николаевич решил побеседовать с каждым из наследников в отдельности, прощупать, кто чем дышит, а там уж и определить, кто наиболее достойный. В списке родственников значилось двенадцать человек.

Это растянувшееся на три месяца мероприятие доставило Евгению Николаевичу, против ожидания, огромное удовольствие, начиная с первого визита, когда он пригласил своих племянниц – розовую и голубую – прийти не вместе, а по отдельности. Как он понял, поссорились они по этой причине сразу же, как только начали обсуждение, кто же из них идет второй. Почему-то каждой из сестер хотелось пропустить другую впереди себя... Кажется, это была их первая ссора за всю жизнь. Но ставка оказалась слишком высока: ясно было, что речь шла о большом наследстве – одна из сестер была многодетная, считала, что и наследство от дядюшки справедливо делить не на них двоих, а на шесть частей, учитывая ее дочерей. Бездетная же уверена была, что по справедливости – на двоих, поскольку не должна она страдать от своей бездетности – она и так всю жизнь своим племянницам помогала и подарками, и деньгами, случалось.

Евгений Николаевич дал им время немного поспорить, а потом пригласил бездетную, в розовом. И она пришла, полная обиды на сестру, на магазинное начальство, на общую несправедливость жизни. Евгений Николаевич слушал ее внимательно, он делал это профессионально, и вопросы задавал короткие, точные. И, как ей показалось, очень сочувственные. Во всяком случае ушла она в состоянии удовлетворения, и особенно удачно удалось ей ввернуть уже в дверях, как беспокоится она за своих племянниц, потому что одна только девочка толковая, учится, а другие три шальные, беспутные, и прока от них ждать не приходится – стакана воды не подадут. Не то что она, их тетушка, которая, если что надо, в любой момент тут как тут, и поможет, и присмотрит по-родственному...

В голубом пришла через неделю. Она молчала, на дядюшкины вопросы отвечала скупой, на жизнь не жаловалась. Говорила – все хорошо, девочки хорошие, и кто учится – хорошо учится, а кто работает – хорошо работает. А под конец разрыдалась, потому что ее чуткой душе открылось, что сестра дорогая обошла ее на кривой козе, и ничего она от дядюшки не получит, а все сестре достанется. И тогда Евгений Николаевич утешил ее, по голове погладил, вытер платком, как она сама вытирала своим воспитанникам, ее обидные слезы, и плакать не велел. И даже спросил, какие у нее нужды особые. И она, все горше плача, от сердца поведала ему, как трудно растить без мужа, и как горько ей было брошенной, в тридцать лет с четырьмя одной оставаться, и спасибо ему, что он, дядя родной, ей вроде как алименты давал за исчезнувшего мужа, пока девочки в школу ходили... И тогда он подарил ей сто долларов, и велел идти и не плакать, а старшую, которая бухгалтерские курсы закончила, обещал на хорошую работу пристроить, если она, конечно, не полная дура – как ты, Валентина, всю жизнь была... И ушла Валентина в голубом обнадеженная. Наследство девчачье, казалось, она отбила...

Двоюродному брату Славе велел приходиться без жены, для семейного разговора. Но жена его одного не пустила. Евгений Николаевич озлился, но виду не подал. Напоил чаем, поговорил о погоде. Жена Славина и так и сяк, все пыталась навести его на то, зачем он их пригласил: про трудности жизни, про одинокую старость, и кто ему помогает, и хорошо ли служат... А Евгений Николаевич – все о погоде. Слава-то знал его отлично, всю жизнь побаивался, сидел молча и даже немного радовался такому повороту событий: говорил он Райке, чтоб дома сидела, а она потащилась. Пусть теперь знает, как себя вести надо. До пятидесяти лет дожила, ума не нажила. Одна жадность глупая. Но все ж таки ему ее жалко было, когда она расплакалась прямо на лестнице у Евгения Николаевича, сдержаться не смогла... Уж так ей хотелось дачу Евгения Николаевича заполучить. Родни-то у него настоящей все равно нет. Кто ему Машка-то? Никто! Покойной жены внучка от другого мужа! А Славин отец Владимир брат родной Николаю Кутикову... Может, прав был Слава,

Второе лицо. Людмила Евгеньевна Улицкая ulitskaya@ludmila.ru лучше бы дома ей остаться. Потому она и плакала, что сама все испортила. Слава же, черт ехидный, фальшиво ее утешал, а сам радовался – не нужна ему была ни дача, ни машина, вообще ничего – он любил только телевизор смотреть, на диване лежа, придурок, ей-богу...

И она спустила на него собак, как положено, высказала ему все о его ничтожности. А он, человек мягкий, вдруг – и как на него наехало! – отвесил ей затрещину. Первый раз в жизни. Она взвыла и редела до самого дома...

Брат Эммы Григорьевны был, конечно, ни при чем. Однако, когда Эмма умерла пять лет тому назад, он из своей Германии вроде бы как приняховался, не светит ли ему. Эмма еще во время болезни разделила семейные фотографии на две пачки, несмотря на слабость и сильные боли, которые ее последние месяцы донимали, оформила в два альбома, один – Люське с Машкой, второй брату. Он его и получил. Смотреть же на этого Семена-писателя было Евгению Николаевичу неприятно. Он был очень похож лицом на Эмму – брови, глаза, даже улыбка уголками рта вверх... И он – жив, а ее нет. Евгению Николаевичу было тогда вне себя – никакие мог с Эммочкиной смертью смириться, – он ее выбрал из многих женщин, только одну такую за всю жизнь и встретил, с которой и жить – радоваться, и стареть, и болеть... И ведь как умна была свобода дала, не ревновала по мелочовке. И вот теперь этот Семен Григорьевич приехал в Москву публиковать свои никчемные книги, сидит здесь уже три месяца, а что ему? Немецкая пенсия идет. И притащился к Евгению Николаевичу на восьмидесятилетие, и по телефону звонит. И вообще хочет общаться изо всех сил. Может, и ему чего-то надо? Позвал его Евгению Николаевич просто так, прощупать... Разговор же получился интереснейший. Оказывается, на дармовых немецких хлебах стал писатель – исследовать проблему еврейского имущества, прихваченного фашистами. Заодно всплывали всякие интересные истории и не фашистские, а советские. И на десятой минуте разговора догадался Евгений Николаевич, что этот самый брат имеет к нему интерес возвышенный – хотел про Нюрнбергский процесс порасспросить...

Евгений Николаевич рукой махнул:

– Да какое там мое участие, мальчишкой на побегушках... Вышинскому стакан чаю подносил...

Разбежался! Нашел информатора. И сам грамотный: захочу, сам такое напишу, что вы все закачаетесь. Только не буду этого делать. А тебе, брат Семен Григорьевич, фотографию дарю: узнаешь? Точно! Геринг на первом плане, а позади него кто? Не узнаешь? Я, само собой! Правильно!

Однако приятно – еврейские проблемы его волнуют, а наследство – нет. Бывают же такие идейные евреи. Эммочка попрактичней была! А вот Люська много не получила. Не заслужила.

Потом приехала двоюродная сестра из Киева. Он ей позвонил – она сразу и прикатила. Хотя, между прочим, с днем рождения не поздравила. Ну ладно. Приехала с дочкой. Оказалось, процветают! У дочки муж коммерсант, торгует компьютерами. Там, на Украине, у них своя проблема – русских не любят. Но дочка за хохлом, поставляет он компьютеры по всем их правительственным организациям, торгует направо-налево, то в Англию, то еще куда-то разъезжает. Сначала обе они по привычке все пыль в глаза пускали, это в первый день. Но, видимо, ночью они между собой переговорили, оценили Евгения Николаевича одинокое положение, которое он им обрисовал скудными словами, также и очевидное его богатство – отдельное впечатление произвели замки на дверях. Сестра воров боялась, и замки у нее в Киеве были оборудованы наилучшие. У Женечки были куда как позатейливей. Словом, на другой день разговор уже пошел другой – бабы больше не хвастали. Напротив, все сочувствовали Евгению Николаевичу. Сестра пригласила его на лето приехать к ним на дачу – зять два года тому назад купил дом в Ялте, вилла настоящая! Живи там хоть все лето. Море рядом. Прислуга круглый год. Пара семейная, потомки петербургских аристократов, с революции застряли в Ялте. Третье поколение уже – забавные такие. Салфетки к завтраку она сворачивает то домиком, то птичкой. Бабушка ее научила. Словом, Женя, как надумаешь, приезжай, всегда рады. И муж мой – влезает племянница – с такими связями, что если что надо, вопросов нет. И врачи самые лучшие у нас, в Киеве, и питание самое натуральное... Всегда рады...

Отвез их шофер Костя в аэропорт. С тех пор сестра звонит каждую неделю по сю

Второе лицо. Людмила Евгеньевна Улицкая litskaya.ludmila.ru пору, о здоровье осведомляется. Мебель ей, видите ли, понравилась. Похвалила.

Дольше всех не шел Саша Козлик – три раза откладывал. Звонил, извинялся. Наконец пришел. Лет ему около сорока. Тощий, курносый, жидкие волосенки. Под глазами – круги, в глазах – страсть... Страсть редкая собачья.

А ведь алкаш, догадался про него пронизательный Евгений Николаевич. И ошибся. Во всяком случае, если и был он алкаш, то завязавший. От водки-коньяка отказался, пил чай. Выпил чашек шесть, крепкого, с сахаром. Но при этом едва-едва один бутерброд дожевал, без всякого интереса ел. Говорил же – не остановишь. Про собак. Про дикие, нечеловеческие страдания бездомных, брошенных и одичавших животных, про раны, нанесенные им жестокими людьми, и что самое страшное – детьми. Говорил о трагической бессловесности всего тварного мира, о пропасти непонимания между людьми и животными.

Евгений Николаевич сделал не одну попытку перевести стрелку на его личную жизнь, на какую-нибудь тему, к собакам отношения не имеющую. Но из этого ничего не вышло. Он говорил о своих псинах, шавках, о дворнягах и породистых, шариках, Джеках, альмах... о собачьем бешенстве и авитаминозе, о течках и гонах, об истории собачьего племени, о древнейших охотничьих собаках и о древних декоративных. Но главное, что его мучило, что составляло смысл, цель и призвание его жизни, было создание приюта для бездомных собак. Он давно уже обивал пороги всех столичных организаций, в подробностях рассказал Евгению Николаевичу о всех письмах во все инстанции, которые написал за свою жизнь. Евгению Николаевичу давно уже стало ясно, что имеет дело с безопасным сумасшедшим. Он слушал его почти два часа. Речь Козлика была вполне связной, и логика в ней присутствовала, только весь он, вместе со своими собаками, как будто с Луны свалился. Наконец он достал распадающийся надвое бумажник, вынул из него любительскую фотографию и предъявил Евгению Николаевичу:

– Топа, моя первая собака, девятнадцать лет со мной прожила. Умнейшее существо, благороднейшее... От диабета умерла.

Мутная собачья морда с острыми ушами улыбалась с потертой фотографии.

Хватит, пожалуй, решил Евгений Николаевич и закончил визит элегантнейшим способом:

– Саша, там Екатерина Алексеевна полную сумку продуктов собрала для твоих питомцев.

Козлик с голодным блеском в глазах схватил два больших пакета, поблагодарил и умчался, оставив после себя крепкий псиный дух...

Убирая чашки в буфет волнистой березы, Евгений Николаевич улыбался и качал головой: наследники ему попались, хоть не помирай... Впрочем, помирать он и не собирался.

Машура приходила к нему по меньшей мере раз в неделю. С ней приятно было поболтать о том о сем. Иногда она могла и какое-нибудь хозяйственное поручение выполнить. Но обыкновенно Евгений Николаевич ее не загружал, предпочитал наемный труд – была Екатерина Алексеевна, вполне еще крепкая старуха, шофер Костя, да и Валерий Михайлович, преданнейший друг и ассистент, всегда готов был удружить.

Машура занималась журналистикой, второй год как закончила университет и страшно была увлечена всем на свете – то писала про какого-то шамана, то ехала в полуживой научный городок военного направления и делала репортаж о великом прошлом и скорбном настоящем его жителей, а то вдруг ее послали в командировку на остров Бали, от какой-то туристической фирмы, чтоб она написала, как там славно отдыхать... И Машура рассказывала обо всем деду, а он слушал ее с удовольствием и понимал, что права она была, добиваясь этой никчемной профессии, а он, Евгений Николаевич, был не прав, заявляя, что глупей занятия не придумать. Дело оказалось как раз по ней. Хорошая, очень хорошая девчонка. Сильно не нравилось ему в Машке сейчас только одно – муж ее Антон, из-за которого отношения их разлаживались. Евгению Николаевичу картина ясна была с первой минуты его жениховства: бочком, бочком – и прямо к кормушке, сиротка провинциальная, все из Машки тянет, а она, дурочка, не понимает. И Антон этот вологодский отравлял Евгению Николаевичу жизнь потому что, пока она за ним

Второе лицо. Людмила Евгеньевна Улицкая ulitskaya@ludmila.ru
замужем, не мог он на нее оставлять наследство. Не хотел. И все...

И разговор с приемной своей внучкой повел Евгений Николаевич очень жесткий, так и сказал начистоту: старое свое завещание отменяю – пока ты с Антоном не разведешься, ни на что не рассчитывай.

И тут Евгений Николаевич получил от Машки такой отлуп, какого в жизни не имел – маленькая эта жучка посмотрела на него Эммочкиными серо-зелеными глазами, подняла левую бровь, как бабушка, бывало, делала, и сказала ему спокойненько:

– Дед, а не сошел ли ты с ума? Уж не думаешь ли ты, что я из-за твоего старого дивана разведусь с любимым человеком? Из-за ложек серебряных? Да?

И она захохотала звонко и совершенно естественно, и это было так оскорбительно, так обидно Евгению Николаевичу – никто так его не унижал. Он сдержался, пожал плечами:

– Тебе решать.

Она вскочила, подергала его за уши, ткнула кулачком в живот, но теперь у него не было охоты к шуткам.

– Ты подумай, как бы тебе не прогадать, – хмуро пригрозил он ей и сразу же почувствовал, что не то сказал.

– Ага, ночей спать не буду, буду взвешивать, как бы не прогадать, фыркнула засранка.

В результате не спал теперь он, Евгений Николаевич. Бессонница пошла на пользу – в ночной душевной тишине он принял не одно решение, а несколько. Первое – с завещанием нашел остроумное решение. Потом – с дачей: перестроить. А может, снести старую целиком и отстроить заново, по всем теперешним правилам, в три уровня, с сауной, гаражом. Участок – гектар, можно и пруд вырыть. И жить круглый год на даче. Квартиру – продать. Она вообще устарела. Сталинский дом, высотка, по прежним меркам превосходный, по теперешним – говно. Окна маленькие, все на проспекте, шум и вонь с утра до ночи, лифты допотопные, подземного гаража нет... Все. Избавляться. Был бы помоложе, можно бы отделку современную сделать и сдавать. Да на что они нужны, эти две тысячи? Если уж квартиру в городе иметь, то небольшую, элитную, в центре. Коллекцию часов – продать! Через Сотбис или через Кристи, это надо обдумать. Деньги – в хороший банк. Поручить продажу Валерию Михайловичу – на процент. И что там Машка про Бали писала? Да, попробовать все по-новому. Зимой, в слякоть, в грязь, в московскую темень в Бали, к чертовой матери, мало ли островов Канарских и прочих, гостиниц пятизвездочных, молоденьких блядей? Десять лет у меня в запасе есть. Дед Кириков д одеяности пяти дотянул. Или до девяности восьми? А завещание напишу. И Машуре предъявлю, чтоб знала. Таким путем.

И сон у Евгения Николаевича налачился. И настроение поднялось. И, кроме всего прочего, произошло одно незначительное, но забавнейшее событие – прогуливаясь в послеобеденный час по улице Чехова, Евгений Николаевич наступил на потерянный женский шарфик и поднял его, чтобы повесить на ближайшую ручку двери. Подняв, почувствовал рукой что-то мелко-острое оказалась прицепившаяся к шарфику серьга. Да не просто так – трехкартанный сапфир кобашон с бриллиантовым пазком сверху. Смешно, ей-богу. Теперь, когда Евгений Николаевич решил закончить со своим собирательством, коллекцию продать и забыть – такой маленький соблазн, детский какой-то. Сначала подумал – закажу Машуре кольцо сапфировое. И тут же плюнул в сердцах.

Дело задуманное было грандиозным Первое – описать коллекции. Те двенадцать драгоценнейших номеров, что в сейфе, шли отдельным списком. Остальные сделали вместе с Валерием. Дальше пошла работа с нотариусом. Сделали доверенность на Валерия, с правом передоверия. Вся схема была Евгению Николаевичу давно известная, он ею не раз пользовался – переправлял часики, продавал через доверенных лиц. Но здесь суммы были слишком велики. Были у него и свои механизмы контроля, такие ребятки, что босыми по снегу не ходили. Обутое-переобутое. И сами кого хошь обуют. Валера был надежнейший, но, помимо того, у Евгения Николаевича лет двадцать были на руках еще и бумаги кое-какие на Валерия Михайловича. В сейфе лежали, там же, где припрятанные часы. Прокурор все-таки.

Второе лицо. Людмила Евгеньевна Улицкая ulitskaya@ludmila.ru

Два месяца полных ушло на бумажные дела. Пришлось подключать еще одного банковского мальчика – он удивил Евгения Николаевича своим юным видом. Оказался толковым и давал гарантии. Когда завещание было составлено, накануне прихода нотариуса Евгения Николаевич вызвал Машуру. Прежде чем показать ей новое завещание, сказал:

– До завтра еще можно переписать. Я ставлю вопрос так: разведись. Мне надо, чтобы ты была разведена на момент получения недвижимости, когда помру. Ты понимаешь? А спать спи с кем хочешь, хоть с бывшим мужем. Это меня не касается

– Дед, я как раз хотела тебе сказать, что беременна. Так что о разводе речи быть не может. И не подумай. – и отодвинула бумагу, не читая.

– Ну и чудно – улыбнулся Евгений Николаевич. – Получишь от меня красивую чашечку.

– Супрематическую, хорошо?

– Договорились, – кивнул Евгений Николаевич.

И у Люськи такой же непреклонный характер. И похожи на Эмму, и совсем другие, черт их подери. Но будет по-моему, решил Евгений Николаевич.

Получилось однако по-третьему: и не так, и не так. Прошла ровно неделя после разговора с Машурой, и все, что наметил, исполнил Евгений Николаевич: с полной точностью завещание заверил, опись передал Валере и накануне своего последнего дня передал ему ключ от замурованного сейфа, а точную инструкцию, где стену разбирать передал в другие руки, банковскому мальчику. Знал Евгений Николаевич, как дела делаются

Неранним утром, уже после рынка, пришла Екатерина Алексеевна с продуктовой сумочкой, долго звонила в дверь, но Евгений Николаевич не открыл. Она ждала час у двери, потом поехала, в полном недоумении, домой, оттуда звонила до самого вечера, но и к телефону он не подходил. Около девяти вечера позвонила Маше, сказала, что тревожится, не стучилось ли чего. Маша была раздражена, разговаривала с Екатериной Алексеевной почти грубо, сказала, что сегодня ей ехать не с руки, а поедет завтра утром. Однако устыдилась и поехала. У нее, у единственной, были ключи от квартиры. Она приехала в половине одиннадцатого, позвонила в дверь, ожидая, что дед откроет как ни в чем не бывало, и опять она будет в дураках: притащилась усталая слушать его шантажные глупости. Но никто ей не открыл, и она двумя хитроумными ключами попыталась открыть дверь, но дверь изнутри оказалась заблокирована. Вызвала Валерия Михайловича. Тот сразу же побегал за милицией. Приехали два милиционера, взломали дверь. Вошли – и обнаружили Евгения Николаевича в спальне, сидящим возле бюро и всей грудью навалившимся на откинутую доску. Рядом стакан с водой и гора таблеток, из которых, видно, он ничего не успел выпить,

Маша сразу поняла, что он мертв. Голова лежала боком, и красивое его лицо имело желтовато-белый оттенок старого мрамора. На губах засохла сухая пена, похожая на мыльную... Составили протокол. Понаехало каких-то людей. Маша позвонила Антону, чтобы он приехал. Ее второй месяц беспрестанно тошнило, и ей очень хотелось, чтобы все поскорее кончилось, и она могла бы уйти домой и лечь спать. Милиционер спросил документы, и Машины тоже. Все у деда было на местах, все в порядке. Она достала свидетельство о смерти бабушки, и копию их брачного свидетельства, и копию метрики Люськи, и копию метрики своей собственной – все было на известном месте, в известной папке. Один из милиционеров спросил, откуда она знает, где что лежит.

– Да я в этом доме родилась. Три года назад, когда замуж вышла, дед мне однокомнатную купил... А так я здесь всегда и жила... И прописана здесь была...

Только к утру приехала машина и забрала деда. В бумаге врачи написали – остановка сердца.

Потом началась суета – звонили родственники, приезжали. Полный дом народу. Денег в бюро было три тысячи. Маша думала, что Валерий Михайлович возьмет на себя все хлопоты по похоронам, но он как-то скромно стоял сбоку, инициативы не проявлял.

Второе лицо. Людмила Евгеньевна Улицкая ulitskaya@ludmila.ru
Тогда Антон, Машин муж, взял эти три тысячи и стал всем распоряжаться. Валерий Михайлович только советовал, что все должно быть самым лучшим. А и так все было самое лучшее: Эмма Григорьевна похоронена на Ваганьковском, участок просторный, на две могилы. Поминки заказали в "Праге" – Евгений Николаевич "Прагу" любил с давних времен. Он там всех знал, и его все знали. Потому что начальство-то менялось, а старые клиенты оставались. Отпевали в Ваганьковской церкви, но Машура внутрь не заходила, ее как раз тошнило сильнее обычного. Слушала она с улицы стройное пение – Валерий Михайлович и певчих каких-то особых оплатил.

В том же самом Ореховом зале, где справляли когда-то семидесятилетие, теперь собрались на поминки. Народу было человек шестьдесят, не одни только родственники. Стол был накрыт богато и старомодно – с блинами, киселем, кутьей и всеми православными примочками, в которых Валерий Михайлович оказался большим знатоком.

Трех тысяч почему-то не хватило, и Валерий Михайлович сам вызвался доложить сколько надо. И доложил. Машура порадовалась за него: он всегда казался ей каким-то скользким и подозрительным. Но, видно, прав был дед, что так его к себе приблизил – вел он себя в высшей степени достойно. Довольно рано закончилось поминание, и Валерий Михайлович пригласил всех родственников зайти на минуту на квартиру к Евгению Николаевичу. И пошли, ни о чем не спрашивая. Ясное дело, речь шла о завещании.

Маша открыла, вошла первая. Зеркало у двери завешено было белой простыней, и от этого прихожая как ослепла. Все утыкались глазами в эту неприятную белизну и отводили глаза. Родственников оказалось толпа: друг на друга не смотрели, а как-то в сторону – кто в окно, кто в стену. Розово-голубые сестры и вовсе повернулись друг к другу спиной. Каждая чувствовала себя немного предательницей, потому что каждая была уверена, что раздел долей произойдет именно в ее пользу. Вокруг многодетной частоколом стояли четыре хмурые девицы. Присутствовал и брат двоюродный с женой, и шурин, и все племянники. Лена питерская приехала с мужем – десять тысяч под охраной домой везти. А Саша Козлов поехал прямо с кладбища по своим собачьим делам: какая-то знатная сука разродиться без него не могла, ему предстояло кесарево сечение производить. Потому его и на поминках не было.

Валерий Михайлович вынул из бюро бумаги и огласил. Завещание было коротким, как кинжальный удар. Все свое имущество, движимое и недвижимое он завещал своему племяннику Козлову Александру Ивановичу целево – на организацию и содержание собачьего приюта. Каждого из родственников перечислены поименно, никого не забыл – он одарял коллекционной чашкой, включая четырех внучатных племянниц, частоколом стоящих возле голубой мамыши

Маше была особо оговорена чашка супрематическая, работы ученика Казимира Малевича по фамилии Хейдекель.

Доверенным лицом для производства всех продаж имущества, включая коллекцию часов, назначался Валерий Михайлович. Ему же предназначалась сумма в десять тысяч американских долларов – за многотрудную работу по ликвидации имущества и передачи основных денег в фонд организации собачьего приюта.

Машура тихонько вышла в коридор – удивительное дело, такой маленький ребенок, всего двенадцать недель, а тошнит круглые сутки. Маша заперлась в уборной и сблевала – с утра уже восьмой раз.

Все тяжело молчали. Только Женя-Арахис, которая в родственницах не состояла, но нахально приперлась на интимнейшую семейную встречу, тихо взвизгнула:

– Все собакам? Да в суд надо подавать!

– Видите ли, – вежливо пояснил Валерий Михайлович, – поскольку среди родственников нет прямых наследников, суд скорее всего не примет дело к рассмотрению. Но попытаться можно.

Машура подошла к горке, вынула странно квадратную фаянсовую чашку с асимметричной ручкой, потом положила ключи от квартиры на стол и вышла из комнаты.

Лена питерская тихо плакала, глядя в окно. Она плакала уже четвертый день, с тех

Второе лицо. Людмила Евгеньевна Улицкая ulitskaya1udmila.ru пор как узнала о смерти Евгения Николаевича. Не в деньгах дело – он был такой, такой, какого у нее уж никогда не будет. Но и ускользнувших денег тоже было жаль. Он бы дал, если б был жив.

Антон был в тихом бешенстве. Завел Машу на кухню, сказал, что надо опротестовывать завещание: какие собаки, у него родственников дюжина!

– Да никогда в жизни! – улыбнулась Маша – Здесь, Антоша, нашего ничего нет. Если б он все мне оставил, было б хуже. Не могу тебе объяснить ничего этого в руки брать нельзя.

Все-таки Евгений Николаевич был действительно всех умней – Антон Машку оставил еще до рождения ребенка. А что собачки не получили тех двенадцати предметов, которые в сейфе сохранялись, оно не так страшно – им и так очень много досталось. Потому что в Сером Козлике Евгений Николаевич не ошибся.

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://ulitskaya1udmila.ru/> Приятного чтения!
<http://buckshee.petimer.ru/> Форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.
<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин
<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.
<http://filosoff.org/> философия, философы мира, философские течения. Биография
<http://dostoevskiyfyodor.ru/>
сайт <http://petimer.com/> Приятного чтения!